

18+

Иногда
мы помним то,
что принадлежит
не нам...

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ

НАРМИНА МАМЕДЗАДЕ

Мамедзаде Нармина

Чужая Память

«Издательские решения»

Нармина М.

Чужая Память / М. Нармина — «Издательские решения»,

Мы уверены, что помним свою жизнь. Но насколько можно доверять памяти, если чужой взгляд оказывается точнее собственного? Что мы знаем о людях, которые когда-то были рядом? О забытых словах, невысказанных чувствах и о том, что осталось от них в нашей памяти? «Чужая память» — роман о том, насколько зыбкой бывает граница между тем, что мы помним, и тем, во что нам хочется верить. Можно ли узнать правду о прошлом, если у каждого человека она своя?

© Нармина М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Чужая Память

Мамедзаде Нармина

© Мамедзаде Нармина, 2026

ISBN 978-5-0071-4046-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В начале осени Баку долго не хочет расставаться с теплом. Зная, что холода неизбежны, люди ловят каждый погожий день. На бульваре и в парках дотемна гуляют семьи, студенты и влюблённые пары, столики в кафе вечно заняты, а по выходным дороги к морю всё ещё забиты машинами. В городе ещё жива летняя привычка проводить время вне стен — будто каждый пытается согреться впрок перед зимой.

Но в ноябре ритм меняется. Дожди идут чаще, сумерки опускаются раньше, и прохожие больше не задерживаются на улицах без дела. Город затихает.

Именно в такой ноябрь Лейла впервые остро почувствовала, насколько пустым стал её собственный дом.

Они расстались в конце октября.

Без скандалов, разбитой посуды и ночных сообщений с упрёками. В какой-то момент оба просто поняли, что уже несколько месяцев пытаются реанимировать то, чего между ними не осталось.

Он молча собрал вещи. Лейла привычно помогла найти зарядку от телефона, которую он вечно терял, протянула оставленную в стаканчике зубную щётку и даже спустилась вместе с ним к машине.

— Береги себя, — сказал он, закрывая багажник.

Она кивнула.

Через минуту красные габаритные огни его машины растворились за поворотом.

Лейла поднялась домой. В прихожей Лейла остановилась у стены, где несколько лет стояла его складная беговая дорожка. Теперь здесь было непривычно просторно. Она поймала себя на том, что всё смотрит на освободившееся место, и с раздражением отвернулась.

Раньше она не прислушивалась к тому, что происходило в квартире: он ходил из комнаты в комнату, открывал шкаф, бросал ключи в прихожей. Теперь, снимая пальто, она услышала, как пряжка пояса стукнула о ножку стула.

Она продолжала жить привычно. Работала, встречалась с подругами, иногда выбиралась в кафе. По пятницам мать звонила и спрашивала, не приехать ли на выходные. Лейла отвечала, что у неё планы, даже когда никаких планов не было.

Она не считала себя одинокой. Просто иногда, возвращаясь домой, ей хотелось, чтобы кто-нибудь спросил, как прошёл её день. И действительно дождался ответа.

Лейла вставала в семь двадцать. Всё делала на автомате: включала чайник, шла в ванную, возвращалась на кухню. Из шкафчика — чашка. Из серебристого блистера у сахарницы — таблетка. Фольга коротко трещала под пальцами. Лейла запивала таблетку водой и принималась искать телефон. Почти каждое утро ей казалось, что накануне она оставила его в другом месте.

Через три недели после расставания ей захотелось изменить квартиру.

Начала с комода.

Старый деревянный комод Лейла увидела на местном сайте объявлений. Тёмное дерево, потемневшие металлические ручки. Хозяин просил за него смешные деньги и честно предупреждал: мебель требует реставрации.

Лейла решила, что будет шлифовать дерево, выбирать лак, менять ручки. Несколько вечеров можно было занять работой, в которой всё зависело только от терпения и наждачной бумаги.

Грузчики оставили комод посреди комнаты. Когда они ушли, Лейла рассмотрела его как следует. Он выглядел гораздо хуже, чем на фотографиях: на боковой стенке темнела глубокая царапина, лак местами облупился, а задняя панель слегка отходила. От комода пахло чужой квартирой, древесиной и пылью.

Лейла переделалась, собрала волосы и принялась вытаскивать ящики, чтобы протереть их изнутри. Верхний достала легко, потом второй. Но нижний, самый глубокий, намертво заклинило.

— Ну конечно, — выдохнула она, упираясь коленями в пол.

Лейла дёрнула за металлическую ручку сильнее, потом ещё раз, уже со злостью. Ящик поддался настолько резко, что она едва успела отпрянуть, и с грохотом выскочил из пазов.

Когда ящик выскочил, из глубины комода что-то глухо упало на пол.

Небольшая чёрная тетрадь в плотной обложке. Ни имени, ни даты — только потёртые углы и тонкая резинка, удерживавшая обложку.

Лейла помедлила секунду, потом села прямо на пол и открыла первую страницу.

Почерк был мелким, аккуратным, с лёгким наклоном вправо. Линии букв то утолщались, то становились совсем тонкими. В некоторых местах чернила ложились гуще, и отдельные штрихи казались темнее остальных.

Наверху стояла дата: *12 января 2017 года.*

Сегодня я впервые подумал, что человек может прожить целый день и ни разу по-настоящему не присутствовать в собственной жизни.

Лейла перечитала фразу дважды. На секунду подумала, что стоит закрыть тетрадь, но любопытство оказалось сильнее.

Автор не писал, сколько ему лет, кем работает и почему вообще решил вести дневник. Записывал то, что обычно забывают: мать позвонила в воскресенье и спросила, нормально ли он питается; сосед сверху опять двигал мебель после полуночи; кофе на вокзале оказался настолько отвратительным, что он вылил его после первого глотка; в автобусе мужчина держал на коленях комнатное растение в треснувшем пластиковом горшке.

Была девушка. Несколько месяцев автор писал о ней часто, потом всё реже. Однажды появилась строчка:

Я, кажется, любил не её. Я любил человека, которым становился рядом с ней.

Лейла задержалась на ней дольше, чем на остальных.

Потом девушка исчезла. Дальше были Эмин, съёмная квартира, беспородная собака, найденная возле магазина и через три дня возвращённая хозяину.

Потом умер отец. Об этом было всего две строки, а следующая запись, через неделю, — о сломанном электрическом чайнике.

Иногда Лейла искренне не понимала, зачем он записывает все эти мелочи. Но именно они удерживали её сильнее всего. Просто шла чья-то жизнь.

Лейла закрыла тетрадь только после полуночи. На следующий день вернулась к ней после работы, потом ещё раз.

Спустя несколько вечеров новый ритуал сложился сам собой: она заваривала чай, садилась в кресло у окна под шум бакинского ветра и открывала чёрную тетрадь. Иногда она проглатывала двадцать страниц за раз, а иногда подолгу сидела над пятью.

Постепенно человек без имени перестал казаться ей чужаком. Она по-прежнему не знала, как он выглядит, и не представляла его голоса, но уже знала, что он выковыривает изюм из выпечки, терпеть не может громкие разговоры по телефону в автобусах, а после смерти отца несколько месяцев обходил стороной маленькую кофейню, где они когда-то сидели вместе. Иногда он просыпался среди ночи и настежь открывал окно — даже зимой.

Однажды, закрыв тетрадь, Лейла подумала: «Интересно, а где ты сейчас?» — и удивилась тому, как тепло подумала о человеке, которого даже не знала. Потом усмехнулась, поставила чашку в раковину и пошла спать.

В субботу Айлин заехала перед ужином. Лейла всё ещё стояла в прихожей, разглядывая вешалки.

— Мы опоздаем, — с порога объявила Айлин, скидывая туфли, и без церемоний отгес-
нила её от шкафа. — Только не говори, что ты опять натягиваешь это серое пальто.

— Оно удобное.

— В нём ты похожа на дождливый четверг. — Вытащила из ряда пальто яркий дождевик
и замерла. — О, это Севда свой забыла?

— Нет, мой. У Севды покороче.

— Вы в них тогда все как инкубаторские ходили, — хмыкнула Айлин и достала из шкафа
бежевое. — Вот, надень хотя бы это.

Пока Лейла застёгивала пуговицы, Айлин подкрасила губы перед зеркалом. Через
несколько минут они уже сидели в машине и спорили, куда ехать ужинать.

На следующий вечер Лейла снова открыла дневник.

Записи теперь появлялись реже: между ними проходили недели, порой месяцы. Лейла
перелистнула несколько пустых страниц, потом ещё одну — и остановилась.

17 февраля 2020 года.

*Синоптики обещали потепление, но ошиблись. Весь день шёл ледяной дождь. К вечеру
мне хотелось только одного — чтобы этот день поскорее закончился.*

Дальше было несколько строк о работе. Потом:

Я сидел на остановке возле Наримановского парка.

Она прекрасно знала эту остановку. Конечно, её знали тысячи людей в Баку.

Лейла продолжила читать.

И тут появилась она. В жёлтом дождевике.

Её пальцы замерли на краю страницы.

*Она несла бумажный стаканчик с кофе и всё время перекладывала телефон из одной
руки в другую. Потом села рядом. Крышка на стакане съехала. Кофе пролился ей на пальцы.
Она выругалась.*

Лейла уже знала, что будет дальше.

Потом повернулась ко мне и сказала: «Поддержите, пожалуйста».

Она не успела дочитать строчку, когда память вдруг отозвалась — не цельной картинкой,
а отдельными, почти физическими ощущениями: мокрый бакинский асфальт, запах дешёвого
кофе с корицей, салфетки в сумке, чужие холодные пальцы вокруг её стакана.

Самого мужчину она тогда почти не разглядела. В памяти остались поднятый воротник
куртки и руки, заметно дрожавшие от холода.

В тот вечер она возвращалась откуда-то домой. Кажется, от Айлин.

Нет.

С работы.

Она достала салфетки из сумки.

Мужчина держал её стакан.

Лейла снова опустила глаза.

Я взял кофе. Она стала вытирать руку и вдруг рассмеялась.

— Я не смеялась, — сказала Лейла.

В квартире было тихо.

Она читала дальше.

Наверное, ей было неловко.

*Она пахла чем-то, чего я раньше не чувствовал. Сладким, но не цветочным. Сухой
инжир. Может быть, табак.*

Лейла машинально провела пальцами по запястью.

Через несколько минут пришёл её автобус. Она забрала стакан и сказала спасибо.

Я не спросил имени.

Следующая строчка стояла отдельно:

Иногда чужой человек появляется именно в тот момент, когда тебе особенно нужно доказательство, что мир тебя ещё замечает.

Лейла ещё некоторое время смотрела на строчку. Потом перевернула страницу.

21 февраля.

Снова был там.

Её не было.

Через несколько страниц:

25 февраля.

Глупость.

Опять приехал.

Лейла улыбнулась и закрыла дневник. Кто ты?

Глава 2

После жёлтого дождевика читать медленно уже не получалось.

Лейла возвращалась домой, бросала сумку в прихожей и почти сразу брала тетрадь. Теперь она пробежала страницы быстрее, иногда по диагонали, выхватывая даты, отдельные фразы, упоминания женщин.

Ей хотелось снова увидеть это «она».

Но дневник будто упрямо возвращался к своей прежней жизни. Эмин, работа, затянувшиеся споры с сантехниками, прогулки по бульвару, книги, которые автор то хвалил, то бросал на середине. Всё то, что ещё недавно казалось Лейле живым и любопытным, теперь только мешало.

Девушка в жёлтом дождевике не появлялась.

Лейла перелистывала страницу за страницей, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. Ей хотелось закрыть тетрадь и выбросить её обратно в нишу комода.

Она уже была готова захлопнуть обложку, когда в самом низу очередного разворота взгляд зацепился за дату.

7 февраля 2021 года. Сегодня я увидел её снова.

Лейла выпрямилась. Плед сполз с её плеч, пальцы сильнее сжали плотную бумагу.

Почти год — и вдруг это.

Она начала читать, замедляясь на каждом слове.

Автобус номер четыре. Я сначала не поверил...

Перед глазами мгновенно возник душный салон «четвёрки». Стёкла запотели от дыхания. У дверей женщина раздражённо поправляла сползшую медицинскую маску, водитель в микрофон требовал у вошедшего мужчины надеть свою. Кто-то приоткрыл форточку, и по ногам потянуло сырым, ледяным холодом.

Лейла сидела у окна, прижавшись лбом к стеклу. Напротив — мужчина в тёмной куртке, чёрной маске и с натянутым на голову капюшоном худ.

Она вспомнила эти глаза.

Она сидела напротив. Посмотрела на меня. Сразу узнала.

— Нет, — очень тихо сказала Лейла.

Я видел это по тому, как изменилось её лицо. Глаза округлились, она на секунду замерла.

Она помнила ту остановку так же чётко, как и я.

Лейла покачала головой.

Автор ошибался. Она помнила иначе.

Тот мужчина просто слишком долго, бесцеремонно смотрел на неё. Сначала Лейла решила, что ей показалось, и отвела взгляд. Через пару минут посмотрела снова — он всё ещё смотрел.

Навязчиво. Тяжело.

Она тогда раздражённо дёрнула молнию куртки. Та заела. Пришлось трижды с силой потянуть бегунок, пока жёсткий воротник наконец не закрыл шею до самого подбородка.

В дневнике было написано:

Она застегнула куртку до подбородка. Будто хотела спрятаться от меня.

Лейла усмехнулась.

— Дуло. Мне просто дуло из форточки.

Она перевела взгляд на следующую строку:

Когда она вышла на своей остановке, она обернулась. Она меня помнит.

У дверей она обернулась, чтобы проверить, не выходит ли он следом.

В тихой квартире аккуратный почерк вдруг показался слишком близким. Лейла встала, прошла в прихожую и привычным, но чуть более резким движением повернула защёлку замка до упора. Подошла к окну, задернула плотную штору, перекрывая вид на тёмный двор, и только после этого снова взяла тетрадь.

Следующие несколько страниц были пустыми. А затем, в самом низу очередного разворота, появилась короткая запись.

3 сентября 2021 года. Сегодня мы наконец познакомились на этом дурацком корпоративе. Столько фальшивых лиц, обязательных тостов и разговоров ни о чём. Я весь вечер собирался уйти, но потом появилась она...

Лейла перечитала строчку трижды, словно смысл должен был измениться при следующем прочтении.

Сегодня мы наконец познакомились.

Сентябрь 2021-го. Вечерами ещё чувствовалось тепло нагретых за день каменных плит. Лейла помнила эту жару, от которой уставала за лето, — в сентябре она казалась уже лишней. Но день, о котором он писал, вспомнить не могла.

С кем она тогда познакомилась? И на каком корпоративе?

Она быстро перевернула страницу, жадно ожидая подробностей, но следующий разворот тоже был пустым.

Автор словно сделал эту короткую, торжествующую запись на бегу, пообещав себе вернуться к ней позже, но так и не нашёл времени. Или слов.

Лейла закрыла дневник и потянулась к телефону.

Открыла календарь на 2021 год, пролистала до сентября. Третье число выпало на пятницу. В графе планов — пусто.

Тогда Лейла открыла галерею.

Тридцать первого августа, во вторник, — фотография сложного проектного чертежа, сделанная поздно вечером перед финальной сдачей. Четвёртого сентября, в субботу, — смазанный кадр кошачьего хвоста на подоконнике в офисе.

Между ними, за третье сентября не было ни одного снимка, который мог бы что-то ей подсказать.

Лейла вернулась к снимку чертежа и долго смотрела на светящиеся линии. Постепенно одна деталь потянула за собой другую. Сначала она вспомнила сдачу проекта.

А потом — звонок Айлин.

В пятницу в обед, третьего сентября, как раз когда они со скрипом закрыли эту тяжёлую сдачу.

— Наиля позвала на день рождения своего Арифа, — тараторила Айлин. — Сегодня вечером у Молоканского садика собирается огромная толпа. Поехали со мной. Ну что ты будешь делать дома одна в пятницу? После работы самое то — развеешься.

Лейла тогда действительно не хотела возвращаться в квартиру, где они с Эмилем уже несколько недель общались почти исключительно бытовыми кивками.

И согласилась.

Теперь она вспомнила тот полуподвальный ресторан. Слишком громкая музыка, от которой под ложечкой зудел бас, длинный стол, человек пятнадцать, большинство из которых Лейла видела впервые. За столом перекрикивали музыку, постоянно вставали со своих мест, официанты едва успевали менять блюда.

Она снова открыла дневник.

«...на этом дурацком корпоративе».

Каким ещё корпоративе?

Это был день рождения Арифа. Друзья, дальняя родня, какие-то знакомые.

Вот и ответ. Другой вечер, другая девушка.

Она уже занесла руку, чтобы отложить телефон с открытой галереей старых снимков, когда вспомнила, о чём говорили мужчины возле Арифа. Сметы. Затянувшиеся объекты. Один всё пытался рассказать про какого-то подрядчика, остальные перебивали — знали эту историю. Почти все они работали в одном отделе, и Ариф был их руководителем. Кто-то приехал прямо с работы, кто-то жаловался на очередную сдачу. Лейла тогда почти не вслушивалась.

Для неё тот вечер был днём рождения мужа Наили, куда её за компанию притащила Айлин.

А для него — вечер с начальником и коллегами? Может быть, поэтому он и назвал его корпоративом.

Экран телефона медленно погас. Лейла попыталась восстановить тот вечер. Лица возвращались неохотно, словно проступали сквозь мутное стекло: одни черты запечатлелись чётче, другие почти полностью вымылись из памяти. Кто-то без конца перебивал остальных, кто-то каждые полчаса выходил курить, а кто-то весь вечер просидел на краю стола, почти не вмешиваясь в разговор. В памяти остались обрывки чужого смеха, тёмные рубашки, поднятые бокалы, голоса.

Она перевела взгляд на чёрную тетрадь, лежавшую на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.